

ІСТОРІЯ МІСТ І СІЛ

УДК 94(477.51) «18/19»

Ольга Коваленко

САДИБА РОДИНИ ХИЖНЯКОВИХ У СЕЛІ КЕЗІ ЗА СПОГАДАМИ МАРІЇ ЧОРНОСВИТОВОЇ

У статті на підставі спогадів М. В. Чорносвитової йдеться про повсякденне життя у садибі родини Хижнякових у с. Кезі на зламі ХІХ – ХХ ст. та її трагічну долю після захоплення влади більшовиками.

Ключові слова: родина Хижнякових, М. В. Чорносвитова, Чернігівська губернія, село Кезі, поміщицька садиба, повсякденне життя, спогади.

Поміщицькі садиби або «дворянські гнізда», як їх зазвичай називали сучасники, являли собою важливий чинник соціально-економічного розвитку і соціокультурного життя старої Чернігівщини. Значна їхня частина належала дрібним землевласникам, у розпорядженні яких перебувало не більше 100 десятин. До цього прошарку дворянської верстви увійшов і відомий громадсько-політичний діяч, багатолітній гласний Чернігівського повітового і Чернігівського губернського земських зібрань, Чернігівської міської думи, чернігівський міський голова (1875 – 1887) і голова Чернігівської губернської земської управи (1887 – 1896) Василь Михайлович Хижняков (1842 – 1917)¹. У 1889 р. він придбав 75 десятин землі (згодом близько 20 десятин довелося продати) у невеличкому с. Кезі Чернігівського повіту Чернігівської губернії (нині входить до складу с. Павлівка Ріпкинського району Чернігівської області) і почав приводити до ладу занедбану садибу. Поступово було відновлено і реконструйовано одноповерховий житловий будинок з великою верандою, флігель, господарські споруди, висаджено сад, паркові алеї, квітники і клумби. Спершу родина Хижнякових використовувала садибу у с. Кезі як місце для літнього відпочинку, а згодом В. М. Хижняков перебрався туди і зайнявся господарюванням, а також благодійною та просвітницькою діяльністю.

Але сільська дійсність виявилася достатньо суперечливою. «В течение всей своей долгой жизни, – писав В. М. Хижняков у 1911 р., – я любил деревню, интересовался ею и ее нуждами и во время своей земской службы старался проводить кое-какие мероприятия на пользу сельского населения, в надежде, что в близком будущем эти старания принесут сколько-нибудь заметные плоды.

Но знакомство мое с селом было довольно поверхностное. В течение трех последних лет, когда я живу в селе почти безвыездно, когда я погружился в самую гущу сельской жизни и имею возможность ежедневно сталкиваться с разными ее проявлениями, я увидел, что действительность гораздо печальнее того, что говорила мне книга и мои представления о селе, основанные на отрывочных сведениях и впечатлениях во время кратковременного посещения сел»².

© Коваленко Ольга Олександрівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Навчально-наукового інституту історії, етнології та правознавства імені О. М. Лазаревського Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка.

Цю думку В. М. Хижняков згодом розвинув і увиразнив у своїх спогадах: «Я наталкиваюсь на полное отсутствие альтруизма со стороны местных крестьян, на совершенно апатичное отношение их к общественному делу и на стремление почти каждого извлечь из этого дела личную выгоду, не останавливаясь для этого перед всякими неправдами и злоупотреблениями. Все это, конечно, объясняется глубоким невежеством огромного большинства моих односельчан. И я очень часто скорблю о том, как мало сделано земством и интеллигенцией для развития народного образования»³.

Відтак В. М. Хижняков зніціював створення у с. Кезі кредитного і споживчого товариств, відкрив для селян власну книгозбірню, надавав їм безоплатну медичну допомогу. Як слушно зауважив у некролозі В. М. Хижнякова один з лідерів російських лібералів П. Б. Струве, «эта работа в Кезях была трогательным общественным служением, ... это культурническое служение народу демократа-помещика было нравственным подвигом, в котором было не меньше красоты и значительности, чем в гораздо более широкой общественной деятельности на арене земского и городского самоуправления»⁴.

Повсякденне життя у садибі Хижнякових з його маленькими радощами й великими турботами відтворила у своїх неопублікованих спогадах, що зберігаються в Чернігівському обласному історичному музеї ім. В. В. Тарновського, дочка В. М. Хижнякова Марія Василівна Хижнякова (у заміжжі Чорносвитова) (1875 – 1970)⁵:

«В конце мая 1889 года папа купил имение в селе Кезях. Это был небольшой участок земли с усадьбой, ничем не привлекательной. Но ему так хотелось скорее зажить помещиком, что он, который всегда говорил, что не представляет себе усадьбы без реки, спешил окончить дело, невзирая на наши протесты.

Кези сразу нам не понравились. Помещичьего дома не было – он сгорел и только въездная аллея, тополя над сажелкой⁶, да старая баня напоминали о том, что когда-то здесь была барская усадьба, все остальное носило следы вкуса последнего владельца, разжившегося крестьянина. Кези нам казались профанацией, изменой тому, что мы любили в Слободе⁷, и мы с трудом подавляли в себе враждебное к ним чувство. С годами нашими усилиями они превратились в уютный уголок, который мы научились любить [...]

Отношение наше к Кезям давно уже изменилось. У каждого из нас была теперь любимая дорожка, любимая скамейка в саду, и перед приездом гостей мы старались привести все в порядок, чтобы показать Кези в лучшем виде. Определились специальности: Лизиной⁸ областью были клумбы и цветы, Оля⁹ помогала ей. Миша¹⁰ ровнял дорожки, особенно площадку около дома, которую разделявал как паркет, устраивал уютные уголки в саду и в роще со скамейками и столиками, насаживал фруктовые деревья. Он был страстный садовод и готов был все поле превратить в сад, а Оля везде садила елки – ее любимое дерево.

Для домашнего хозяйства был устроен институт дежурных. На обязанности дежурной было мыть чайную посуду, накрывать на стол к обеду и ужину, убирать со стола – и это, кажется, все. Папа больше всего любил поле, и когда шла работа, всегда звал нас помогать – грести сено, носить снопы. Для него это была высшая поэзия. Проработав час, другой, мы шли на балкон пить чай с вареньем после великих трудов.

Папа приезжал в Кези в пятницу вечером и уезжал в воскресенье. Мы ждем его на балконе сужином и все прислушиваемся: тише, кажется, едут! Стучат дальние ворота, собаки с пронзительным лаем бросаются в аллею, слышится: «Гоп! Гоп!» – это папа. Мы все высыпаем на крыльцо, кто-нибудь держит свечу под стеклянным колпаком, выгружаются из брочки покупки и поздоровавшись с папой, все бросаются к его дорожной сумке – нет ли писем. У меня тоже была жаркая переписка с подругами, писали мы друг другу просто так, ни о чем, но это считалось очень важным делом. За ужином папа рассказывает городские новости, потом долго сидит в кресле со стаканом чая на перилах, наслаждаясь тишиной летнего вечера. С утра мы разбредемся кто куда, а папа идет, конечно, в поле [...]

Народу перебивает за лето в Кезях множество [...]

Для мальчиков (так именовались совершеннолетние и несовершеннолетние мужчины) у нас был флигелек, который назывался «кладовка», потому что переделан был из кладовой. Там царил, конечно, Миша. Что только не выдвигали они там, особенно по вечерам! Приглашались иногда и мы, «девочки», приносилась банка варенья, кто-нибудь сбегает к колодцу за водой и начинается пир горой. Хохот стоял такой, что доносился до маминых окон, и она ¹¹ разгоняла нас спать.

Обед был в два часа. Дежурная должна быть на своем посту заранее, чтобы накрыть на стол и посмотреть, все ли в порядке.

У тети Нади ¹² была особенность – она ненавидела мужские жилетки, находя, что это самая безобразная часть туалета. И чего только Миша не проделывал с этими жилетками в ее дежурство! Возьмет, например, она полотенце или тряпку стереть со стола – оказывается это жилетка, а раз он попросил нас сшить маленькую жилетку и нарядить в нее бутылку для водки в виде медведя. Тетя Надя по близорукости ничего не заметила, и только когда Миша попросил передать ему водку, увидела медведя в жилетке, хотела рассердиться и ... расхохоталась.

После обеда папа шел к себе немножко вздремнуть и говорил обыкновенно: «Я почитаю газету, а когда будет чай – разбудите меня».

Чай пили в пять часов. Подавалось варенье, сливки, масло и чудные серые булки, каких я никогда больше не ела. Солнце склоняется уже к западу, но еще освещает балкон сквозь листву деревьев. На балконе стояло высокое кресло дедушки Кизимовского ¹³, на котором я любила сидеть с книгой или работой, и его прозвали – Марусино кресло, а рядом низенькая красная кушеточка – это Радичей из их дома на Рейтарской ¹⁴. Она была замечательно удобная, и к ней все стремились, особенно в дождливый день, когда вся жизнь проходила на балконе.

После чая прогулка целой компанией в лес, потом поливка цветов, о которой хлопочет Лиза. В сумерки Аня ¹⁵ садилась поиграть, она очень любила Шопена ¹⁶ и хорошо играла его. На закате солнца папа любил переходить на дворовое крылечко. Верхушки тополей и дубов за клуней еще освещены заходящим солнцем, гонят скот с пашы, возвращаются рабочие с поля, скрипит журавель у колодца, а из села доносятся песни девчат. Потом все затихает – отработались. На балконе почти темно, но не хочется зажигать лампу, так приятно посумерничать. Тишина. Все темнее небо и

не видно уже верхушек тополей за садом... Иногда Миша таинственно говорит: «Вот когда тополя пошли по дорожкам!»

Ужинали на балконе при лампе. Вечером, если нет чужих, тихо сидим за работой, кто за книгой, а на селе назойливо и методично заливаётся собачка [...]

Когда все уже устали и собираются спать, Аня – наша полуночница, зовет гулять. Если ей никого не удастся уговорить, она бродит по саду одна. День для нее был только подготовкой, настоящая жизнь начиналась ночью. Лунные ночи она особенно любила: неужели вы можете спать, посмотрите как красиво! Аня замечала в жизни только все красивое, проза и обыденщина были чужды ей.

Наконец все расходятся спать [...]

В воскресенье с утра приходят обыкновенно школьники за книгами – папа завел для них библиотеку, и у нас в сених происходила выдача книг. Приходят из села за лекарствами. Тут у нас были тоже свои специальности: хину¹⁷ выдавал папа, Оля и Лиза перевязывали раны, а я лечила детские желудки. Приходят бабы с ягодами и долго разговаривают с мамой на балконе о своих делах. К вечернему чаю появляются местные гости – батюшка с матушкой, учителя. Напоив их чаем, мы идем пройтись с ними по усадьбе в ожидании ужина. Ко мне приходили девчата после обедни, и я учила их старым украинским песням. Папа был очень доволен, когда из села доносятся знакомые песни вместо безмотивных выкрикиваний, похожих на русские частушки. Вечером обыкновенно приезжает кто-нибудь из соседей или мы едем в гости. Самые шумные приемы были у нас на Олины именины, когда гости съезжались со всей округи. Такие же дни были и у соседей, и я отплясывала там до упаду.

Мне было лет 16, когда я прочла «Войну и мир»¹⁸. Читала я мало сказать с увлечением, целый мир новый и прекрасный открывался мне с каждой страницей. Там были просто люди, без обязательных идей и обязательных книжек. Свою жизнь они не крали у самих себя, и все выходило у них просто и гармонично. Вся душа моя стремилась к такой жизни! [...]

Мое увлечение Жизнью выразилось в своего рода народничестве. Я любила народный быт, говор, костюмы, завела себе подружку-крестьянку, которая приходила ко мне в гости. У меня создалась мечта: прожить один год в крестьянской хате, научиться делать крестьянскую работу, вставать с зарей, ходить в лес по грибы, говорить как они, одеваться как они, и, получив такое крещение от народа и от природы, уйти опять в свою жизнь.

Как живо помнится мне тихая лунная ночь, я стою одна на балконе в малороссийском костюме и слушаю песни, доносящиеся из села. Туда, к ним тянется все мое существо и душу переполняет восторг и вместе с тем отчаяние, что я не могу, мне не позволят этого сделать. Но не опроститься хотелось мне: мне нравилось, когда, глядя на меня в малороссийском костюме, девчата говорили: «Как вас ни одень, все равно видно, что барышня» [...]¹⁹

Революційний буревій поклав кінець цій ідилії. Ставлення селян до осиротілої родини Хижнякових зазнало різких змін. Подальша доля «дворянського гнізда» у с. Кезі та його мешканців знайшла відображення у спогадах М. В. Чорносвитової під промовистою назвою «Мы» и «Они», анонімно опублікованих у 1924 р. за кордоном, де авторка опинилася в еміграції. По гарячих слідах подій вона розповіла про драматичні події того часу, загибель садиби і смертельні небезпеки, що чатували на нащадків В. М. Хижнякова:

«Все лето мы прожили в нашем маленьком имении, никуда не выезжая.

Настроение было подавленное.

Причиной была смерть отца (он умер в день революции)²⁰, а также впечатления от «великой и бескровной», весь ужас которой был и тогда уже ясен для нас.

Отношения с крестьянами по внешности оставались те же, но порой уже замечался новый тон.

Являются, например, реквизируют скот для армии. Мы, справившись с законом, уличаем их в желании нас обмануть. Они как будто соглашаются, а на заре из стада угоняют столько голов скота, сколько они хотели.

Нашим скотом они восполняли то, что должны были дать сами.

Крестьяне, по-видимому, еще не отдают себе отчета в происходящем.

Еще им нужен «пан», и они зовут то моего брата²¹, то сестру²² в различные комитеты, которые вырастают как грибы.

Но внутренняя рознь нарастала. Мы отдалялись от них, а они от нас.

Обидно было. Сколько пафоса души было вложено в слова «народ», «блага народа», и это не понято, не оценено ими.

И вот мы опять очутились в положении «кающихся дворян»²³.

Только покаяние наше было теперь другого сорта: раньше мы каялись, что недолюбили мужика, теперь, что перелюбили его.

А на балконе у нас по-прежнему пишутся открытки на фронт, адреса на посылках, читаются письма, раздаются лекарства.

Приходят они к нам и за разъяснениями происходящего.

Помню одного солдата, уже заразившегося большевизмом на фронте; он никак не мог выпутаться из лабиринта своих сомнений.

– Ваш отец, – говорил он, – стоял за народ, это верно. Но службу ведь он нес при старом режиме, значит он действовал вместе с правительством против народа? Явился с фронта солдат-дезертир и стал кричать по селу:

– Как, вы еще не убили своих помещиков?

(Позднее, при немцах, мы оказали ему какую-то услугу, и он оставался нашим приятелем даже в самые жуткие времена).

В июле мы перевозили из города в деревню тело нашего отца, согласно его завещанию²⁴.

Мы были встречены священником, хором и толпой крестьян версты за две от села. Крестьянские девочки несли букеты цветов, вообще тон был дружественный.

В селе около церкви процессия поравнялась с группой крестьянской молодежи, которая стояла, не сняв шапок.

– Як пана, так и на цвинтари ховать, в канаву його!

Но голоса были несмелые, они не были уверены в сочувствии, так как мой отец был человеком очень популярным во всей округе. В общем, слов и настроений было больше, чем действий [...]

Лето 18-го года было тяжелое. В отношениях с крестьянами уже чувствовалась глухая вражда.

Не только молодежь, а и солидные мужики беззастенчиво травили наши поля, рубили деревья [...]

И в то же время крестьяне то и дело просили нашего заступничества перед немцами²⁵. Несколько человек было выпущено благодаря нашему поручительству [...]

В отсутствие сестры бандой из соседнего села, под предводительством известного убийцы, разграблено наше имение.

Вывезен хлеб, угнан скот, вывезена мебель, посуда и прочие вещи.

Местные крестьяне ничего не тронули. Некоторым грабители дарили наши вещи, но никто ничего не взял [...]

Больше месяца мы живем в каком-то калейдоскопе. Мимо нашей деревни то и дело дефилируют войска, так как она примыкает к большому шляху, ведущему в город.

Почти все отдыхают в нашем или в соседнем селе. Один отряд прожил в нашей деревне целую неделю. Это были какие-то звери. Они убили помещика, задушили

Каземирский дом со стороны двора

головным платком старуху. Еле спасся бегством через окно мой брат. Они погнались было за ним, но он свернул в лесок и скрылся.

А их командир приходит в усадьбу, говорит с нами грустным и вкрадчивым голосом, восхищается красотой усадьбы и скорбит об ужасах, переживаемых Россией. Кто они? Сколько таких загадок ставит на каждом шагу советская действительность.

У нас берут хлеб, овес, застреливают из револьвера племенного быка, кабана, гоняются по двору за курами и уносят их целыми десятками.

Несколько солдат поселяются у нас в доме. Берут, что под руку попадет. Издевательств нет конца.

...интернациональная дивизия²⁶.

В один миг двор наполнился венгерцами, китайцами, турками, немцами, поляками, русинами.

Мелькают фески, токи со страусовыми перьями, разноцветные, вероятно спортивно-шапочные, слышится речь на десяти различных языках.

Что-то оперное было в этой картине.

Трое начальников объявили, что будут у нас обедать. Они удивились, как мы плохо едим.

Остальные рыщут у нас по двору. Кто уводит нашего коня, кто тащит воз из сарая. Двое ищут по всем закоулкам яблок [...]

Я старалась убедить, что сад не наш, а советский, и мы не получили ни одного яблока в этом году, но они не верят и хотят убедиться, нет ли яблок на чердаке [...]

Все это кружилось по усадьбе несколько часов и, забрав что нужно, исчезло.

Крестьяне как-то притихли. Их ошеломила волна крови и насилия, царившего кругом, и они молчали. Отряды объедали их, брали лошадей, вообще вносили сумятицу в их жизнь. Беспokoил их также вопрос о новой власти, которую они ждали с некоторым страхом [...]

С нами они почти не общались, боясь повредить своей репутации, но при случайных встречах мы видели в них скорее сочувствие. Беда ведь у нас теперь была общая.

Когда мы панически сообщали друг другу:

– Большевики приехали!

Это означало, что приехали красноармейцы.

Раз приходит крестьянин, потом учительница с предупреждением, что сегодня назначена «Варфоломеевская ночь»²⁷ (крестьяне говорят «Еремеевская») и что нам надо скрыться.

Самое ужасное, что все мужчины дома.

Мы ушли в рощу и сидели в кустах. Со стороны села раздается знакомое цоканье копыт. Потом все затихло. Каждую минуту могут придти сюда.

На востоке появляется светлая полоска.

Никогда еще мы не встречали с такой неприязнью восхода солнца. Что делать дальше?

После короткого совещания мы с сестрой решаем, что мужчины останутся здесь, а мы пойдем в дом.

На этот раз тревога была ложная.

Приехавшие большевики должны были по распоряжению из города вывезти из клуни весь наш хлеб.

«Варфоломеевская ночь» началась не с нашего села. В десяти верстах были зарезаны три богатых еврея, в пяти верстах искали помещика, который, как и мы, сидел в кустах в своем саду. Он видел, как они ходили около него, но не был замечен ими.

До нас не дошла еще очередь.

Мы давно уже спим, не раздеваясь. Сыновья мои²⁸ ночуют то в клунях, то в лесной сторожке, то на днепровских лугах, где крестьяне прячут лошадей [...]

Наша жизнь протекает между своей деревней и знакомыми, живущими в шести верстах, с которыми мы делили наши горести в эти страшные дни [...]

Часть этой зимы, а также и лето 20-го года я провела в деревне у сестры. После ухода Деникина²⁹ деревню я не знала. Она показала нам теперь какое-то волчье лицо.

Все эти Степаны и Грицьки приходят, не снимая шапок, часто не здороваясь. Рассаживаются и ведут бесконечные разговоры на особом жаргоне, пересыпая речь иностранными словами, употребляемыми без всякого смысла. Они научились разбираться и в советском языке, щеголяя всякими губ-комами, кол-хозами, пар-комами и т. д.³⁰ Комбеды и исполкомы³¹ донимают нас почти ежедневно. Берут последнее, контролируют каждый шаг.

Одну за другой сносят у нас постройки, рубят рощу под самыми окнами. Просыпаешься и слышишь – стучит топор – что-то разрушают.

На Рождество сестра заболела тяжелым миокардитом и слегла. Нервы ее пришли в полное расстройство. Ей казалось, что она просто не сможет вынести, когда будут ломать наши постройки.

Я решилась попытаться найти в их сердцах хоть какую-нибудь жалость. Узнав, что у них заседание по поводу наших построек, я пришла туда. Говорю, что сестра тяжело больна, и я очень прошу их отложить снос построек, чтобы не расстраивать ее.

Гробовое молчание.

Во время моей речи вошел и стал сзади меня крестьянин, который всегда считался на селе каким-то исчадием ада. За ним даже числилось убийство, за которое он почему-то не судился.

Он начал вдруг поносить меня и всю нашу семью. Каких только вин и преступлений не приписывал он нам.

Я обратилась к собранию:

– Неужели же вы не защитите меня и не остановите эту ругань?

Гробовое молчание.

Мне ничего не оставалось, как уйти.

Раз пришли двое брать зерно. Ждут. Я стою подле них. Вдруг у меня явилось безумное желание поговорить с ними по душе.

– Скажите, – говорю я, – вы же знаете, что поступаете не по совести. Неужели же у вас Бога нет в душе?

Минуту помолчали.

– Давайте нам два пуда жита, вот вам наш Бог, – был ответ.

Летом у нас сняли прислугу, разрешив ей взять четвертую часть (по количеству душ) всех запасов.

Делят целый день хлеб, овес, каждый фунт сала.

Надо было видеть, как наша милая Одарка³² превратилась в один день в жадную и злую фурию. Она сделалась дерзкой с нами и жадно хватала то, что должна была и не должна взять.

В конце лета постановили выселить нас из села.

Сначала приехал комиссар из волости и забрал у нас два воза мебели. Долго говорил поучительные вещи о буржуях-крепостниках и об угнетенном народе.

Мои нервы не выдержали, и я разрыдалась. Он расхохотался.

– Да вы прекрасная актриса! Вы так хорошо изображаете слезы.

На этот раз выселение не состоялось. Жена учителя, как мать влиятельного большевика³³, обжаловала постановление комбеда о нашем выселении. На сходе единогласно (впрочем, против одного – председателя комбеда) было постановлено оставить нас. Но комбеду удалось все-таки настоять на своем, и через месяц нам опять объявили, что мы выселяемся.

Опять приезжал комиссар, опять говорил, что мы пили кровь.

Чтобы запастись салом, мы убили кабана, которого они еще не успели взять. Из-за этого вышла целая история. Их пришло восемь человек, и пробыли у нас они от 8 ч. утра до 5 ч. вечера.

Оказалось, что мы не имеем права распорядиться своим имуществом.

Они требовали выдачи всего сала, добивались, куда мы его девали. Несколько раз мы должны были по несколько фунтов жарить им, а наевшись, они опять говорили и говорили без конца. От этих разговоров не только уши вянут, а, кажется, сама душа увядала.

На другой день я встретила одного из них и подошла к нему.
 – Архип, значит и вы тоже?
 – А почему нет? – ответил он, нагло усмехнувшись.
 Прежде большевик и красноармеец было одно и то же. Теперь большевиком для нас стал крестьянин. И притом свой, знакомый. Это было большее, чем терпеть от красноармейцев.
 Черт носился теперь над деревней и опустошал души людей [...]
 Атмосфера сгушалась.
 Опять приходили и донимали нас весь день.
 Председатель комбеда встал в позу и сказал речь, приправляя ее драматической жестикующей.
 – У меня теперь все село под пятой! (он стукнул сапогом об пол). Что захочу, то и сделаю с вами, потому что я как царь теперь здесь!
 Срок, когда мы должны были выехать, еще не был объявлен.
 Я умоляла сестру уехать, но она еще на что-то надеялась и ни за что не соглашалась уезжать.
 Мы чувствовали себя, как во вражеском стане. Злобные лица комбедчиков грезились по ночам сестре, и иногда ей казалось, что они собираются прикончить нас.
 Я совсем перестала спать от сильного нервного напряжения, а потом и вовсе была из строя [...]
 Целые дни я глотала одну книгу за другой, тщетно пытаюсь изменить ход мыслей. Знаю, не ведают, что творят. Знаю, что это стихия, и люди в ней пешки. Крепостное право – скажете вы – знаю! Но все-таки...
 Ведь мой отец, служа в земстве, а потом живя безвыездно в деревне, отдавал им все свои силы.
 Когда увозили нашу библиотеку, я с горькой иронией показала сестре: «Крестьянский вопрос», «Крестьянское землевладение», «История крестьянства»...
 Не пили мы их крови, а им отдавали кровь нашего сердца, нашу душевную энергию [...]
 ... Когда потом приходилось приезжать туда, хотелось скорей, скорей убежать от воспоминаний, от них. Что-то непоправимо оскорблено и отравлено»³⁴.
 Спогади М. В. Чорносвитової – проникливий людський документ і водночас унікальне історичне джерело. На її очах відбувалися не тільки руйнація батьківської садиби і усталеного способу життя, а й знецінення духовних та моральних чеснот, закорінених, як здавалося, у глибинах суспільної свідомості. Звіряче обличчя нової дійсності чітко проступає на сторінках спогадів, які дозволяють наповнити автентичним змістом відомий вислів щодо «загибелі старого світу» на прикладі «дворянського гнізда» родини Хижнякових.

1. Докладніше див.: Рахно О. Я. Чернігівські землі (історико-біографічні нариси) / О. Я. Рахно. – Чернігів: КП «Видавництво «Чернігівські береги», 2009. – С. 186 – 222.
2. Хижняков В. М. Из деревни / В. М. Хижняков // Русская мысль. – 1911. – Кн. 8. – С. 64.
3. Хижняков В. М. Воспоминания земского деятеля / В. М. Хижняков. – Петроград: Огни, 1916. – С. 251.
4. Струве П. Памяти В. М. Хижнякова / П. Струве // Русская мысль. – 1917. – Кн. 5 – 6. – С. 129 – 130.
5. Див.: Незабутые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917 – 2001 / [составитель В. Н. Чуваков; под. ред. Е. В. Макаревич]. – М.: Пашков дом, 2007. – Т. 6. – Кн. 3. – С. 212.
6. Копанка, ставок.
7. Слобода або Красна Слобода – село Київського повіту Київської губернії (нині – Макарівського району Київської області), поблизу якого знаходився маєток, який В. М. Хижняков успадкував від батька. Протягом 1884 – 1886 рр. тут влітку

відпочивала родина Хижнякових та їхні друзі. У 1887 р. В. М. Хижняков продав цей маєток своєму брату І. М. Хижнякову.

8. Єлизавета Василівна Хижнякова (1873 – 1930).
9. Ольга Василівна Хижнякова (у заміжжі Татарінова) (1870 – 1941).
10. Михайло Васильович Хижняков (1867 – 1933).
11. Олександра Василівна Хижнякова (у дівоцтві Кизимовська) (? – 1911).
12. Йдеться про Надію Василівну Анісімову (? – 1898) – двоюрідну сестру В. М. Хижнякова, яка часто гостювала у Кезях.
13. Йдеться про Василя Петровича Кизимовського (1810 – 1884) – священика, протоієрея, який мав власний будинок у Чернігові на Гончій вулиці.
14. Йдеться про сестру В. М. Хижнякова Ганну Михайлівну та її чоловіка Андрія Ілліча Радича, яким належав будинок на Рейтарській вулиці в Києві.
15. Ганна Василівна Хижнякова (у заміжжі Баранова) (1865 – 1939).
16. Шопен Фрідерік (1810 – 1849) – видатний польський композитор і піаніст.
17. Протималарійний лікарський засіб, що виготовлявся з кори хінного дерева.
18. Йдеться про роман російського письменника Л. М. Толстого «Війна і мир».
19. Архів Чернігівського обласного історичного музею ім. В. В. Тарновського, 2013 р., спр. 1, арк. 117, 126, 129 – 131.
20. Василь Михайлович Хижняков помер в ніч на 28 лютого 1917 р., коли в Петрограді перемогла Лютнева революція, у своєму будинку в Чернігові. Згідно із заповітом, В. М. Хижнякова мали поховати у с. Кезі, але через весняне бездоріжжя і складну політичну ситуацію 1 березня 1917 р. його поховали в Чернігові.
21. Йдеться про Михайла Васильовича Хижнякова (1867 – 1933).
22. Йдеться про Єлизавету Василівну Хижнякову (1873 – 1930).
23. Образний вислів «кающиеся дворяне» належав відомому російському публіцисту, літературному критику, одному з ідеологів народництва М. К. Михайловському (1842 – 1904). Йшлося про тих представників дворянського стану, які щиро намагалися порозумітися із селянами й прагнули надати їм реальну допомогу в усіх сферах суспільного життя.
24. В. М. Хижнякова було перепоховано 27 липня 1919 р. у с. Кезі у задалегідь підготовленому склепі на цвинтарі церкви Різдва Богородиці, який згодом був зруйнований.
25. Німецькі війська увійшли на територію України навесні 1918 р. згідно з угодою, укладеною з урядом Української Народної Республіки, і перебували тут до початку грудня 1918 р.
26. Йдеться про інтернаціональні військові частини, що входили до складу Червоної армії і були сформовані з іноземців, які за різних обставин опинилися на теренах колишньої Російської імперії.
27. Варфоломійська ніч – масова різанина протестантів-гугенотів у Парижі в ніч на 24 серпня 1572 р., коли відзначався день св. Варфоломія.
28. Йдеться про Бориса Володимировича (1900 – 1948) і Лева Володимировича (1902 – 1945) Чорносвитових.
29. Денікін А. І. (1872 – 1947) – генерал-лейтенант царської армії, згодом головнокомандувач Збройних сил Півдня Росії, один з організаторів Добровольчої армії, підрозділи якої влітку-восени 1919 р. перебували на Чернігівщині.
30. Радянський новояз: губернський комітет Російської Комуністичної партії (більшовиків); колективне господарство; партійний комітет.
31. Комітети бідноти – класові організації сільської бідноти, що діяли у 1918 – 1919 рр. і розглядалися радянською владою як опорні пункти диктатури пролетаріату на селі; виконавчі комітети – виконавчі органи місцевих Рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів.
32. Служниця родини Хижнякових.
33. Йдеться про Варвару Миколаївну Примакову – дружину сільського вчителя М. Г. Примакова і матір відомого радянського військового діяча В. М. Примакова, яка мешкала у с. Шумани за 3 км від с. Кезі.

34. [Черносвитова М. В.]. «Мы» и «Они» / М. В. Черносвитова // На чужой стороне: Историко-литературные сборники. – Берлин; Прага, 1924. – Т. VIII. – С. 57 – 58, 63, 65, 71 – 72, 80 – 83.

Ольга Коваленко

Усадьба семьи Хижняковых в селе Кези по воспоминаниям Марии Черносвитовой

В статье на основании воспоминаний М. В. Черносвитовой речь идет о повседневной жизни в усадьбе семьи Хижняковых в с. Кези на рубеже XIX – XX вв. и о её трагической судьбе после захвата власти большевиками.

Ключевые слова: семья Хижняковых, М. В. Черносвитова, Черниговская губерния, село Кези, помещицья усадьба, повседневная жизнь, воспоминания.

Olga Kovalenko

The estate of the Khyzhniakov family in Kezy village based on the memoirs of Mariya Chornosvytova

The article tells about everyday life in the estate of the Khyzhniakov family in Kezy village on the verge of XIX – XX centuries and it's tragic destiny after the seizure of state power by bolsheviks, based on the memoirs of M. V. Chornosvytova,

Key words: Hyzhnyakov family, M. V. Chornosvytova, Chernigov Governorate, Kezy village, estate, everyday life, memoirs.

Статтю підготовлено в процесі виконання держбюджетної теми «Регіональні еліти Лівобережної України у громадсько-політичному та соціокультурному житті Російської імперії XIX – початку XX ст.» (номер державної реєстрації 0115U002445).

